

конституционной реформы государства, так как еще не окрепли существующие политические институты.

А.И. Вольхин

Екатеринбург

К ВОПРОСУ ОБ УГРОЗЕ ВООРУЖЕННЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ В СОВЕТСКОМ ТЫЛУ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В годы Великой Отечественной войны советское руководство уделяло пристальное внимание обеспечению внутриполитической безопасности страны, возложив на органы НКВД – НКГБ СССР такие задачи как борьба с антисоветской агитацией и пропагандой, пресечение распространения антисоветских листовок и негативных слухов, предотвращение террористических актов, поиск повстанческих организаций и групп, борьба с бандитизмом, выявление и розыск изменников Родины, предателей и пособников немецких оккупантов.

В директивах НКГБ СССР «О мероприятиях органов государственной безопасности в связи с начавшимися военными действиями с Германией» от 22 июня 1941 г. и «О задачах органов госбезопасности в условиях военного времени» от 24 июня 1941 г. указывалось на необходимость немедленного пресечения восстаний, террористических акций, бандитских выступлений⁷⁷.

В течение всей войны, особенно в период военных неудач 1941–1942 гг., советское руководство предпринимало активные меры по предотвращению как организованных вооруженных выступлений против политического режима, так и стихийных массовых беспорядков, более всего, опасаясь формирования немецкой разведкой «пятой колонны» в советском тылу.

Исходя из содержания ведомственных нормативных актов – приказов, циркуляров, директив, меморандумов, инструкций, указаний, ориентировок органов НКВД – НКГБ СССР, ГУКР «Смерш» НКО СССР к враждебным «социально-чуждым», «контрреволюционным», «антисоветским элементам» были отнесены по национальному, социально-классовому, религиозному, политическому критериям значительные слои населения СССР, в частности: немцы, финны, китайцы, корейцы, японцы, поляки, румыны, венгры, словаки, итальянцы, калмыки, чеченцы, ингуши, крымские татары, турки-месхетинцы; кулаки-трудпоселенцы, дворяне, помещики, царские чиновники, бывшие офицеры царской и белой армий, белоказаки, церковники, сектанты; бывшие члены монархических организаций, кадеты, анархисты, эсеры, меньшевики, троцкисты, правые, участники так называемой «Промпартии», исключенные из рядов ВКП(б) и ВЛКСМ; лица, подвергавшиеся репрессиям со стороны Советского государства, родственники репрессированных; бывшие военнослужащие германской и австрийской армий; лица, находившиеся в годы Первой мировой войны в немецком плену; шпундовцы, политэмигранты, иностранные специалисты, беженцы, эвакуированные из западных областей СССР; бывшие военнослужащие Красной Армии, находившиеся в окружении или возвратившиеся из немецкого плена; все лица, прибывшие с оккупированной немцами территории, и др.

С учетом мировоззрения чекистов, сформировавшегося в 1930-е гг. на догмах идеи классовой борьбы, мы отмечаем смещенный ракурс восприятия ими социально-политической обстановки. Ярким образчиком политически бдительного, «социологизированного» подхода к обеспечению внутриполитической безопасности страны является выступление заместителя наркома внутренних дел СССР Б.З. Кобулова в феврале 1942 г. перед оперативным составом УНКВД СССР по Челябинской области: «Я уверяю вас, что сейчас в Челябинской области имеется организованная

⁷⁷ Советские органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне: Сб. док. и материалов. Т. 2. – М.: ВШ КГБ, 1985. С. 24, 25, 54.

контрреволюционная организация. В секретно-политическом отделе УНКВД имеется на учете 112 бывших белых офицеров. Это готовое командование повстанческой армии. Эти люди антисоветски настроены, когда им предоставится возможность нанести ущерб Советской власти, они его нанесут. У нас на Урале имеется на учете 573 троцкиста. Троцкисты – это самые оголтелые прихвостни капитализма. Они выжидают, когда смогут выступить открыто. Не сегодня-завтра, но выступить они собираются»⁷⁸.

В приказах НКВД–НКГБ СССР территориальным органам госбезопасности предписывалось вскрывать руководящую роль агентуры иностранных разведок в организации повстанческо-террористической деятельности бывших белогвардейцев, сектантов, кулаков и других антисоветских элементов, выявлять организационные связи участников антисоветских формирований с лицами, проживавшими в других городах страны и особенно в Москве⁷⁹.

В октябре 1942 г., когда сложилась критическая обстановка под Сталинградом, Л.П. Берия разослал директиву № 515 в адрес руководства НКВД–УНКВД СССР по Башкирской и Удмуртской АССР, Алтайскому и Красноярскому краям, Молотовской, Новосибирской, Омской, Свердловской, Челябинской, Чкаловской областей, а также территориальных органов госбезопасности Казахстана и Дальнего Востока. В директиве указывалось, что в ряде городов и районов Сибири, Алтая и Урала антисоветские элементы значительно активизировали враждебную деятельность, начали сколачивать контрреволюционные повстанческие организации.

Нарком приказал: «1) Произвести изъятие активного контрреволюционного элемента, обратив особое внимание на ликвидацию повстанческих групп и организаций. Обеспечить по всем делам тщательное следствие в целях выявления и ликвидации антисоветского подполья; 2) Усилить охрану тюрем, ИТЛ и колоний, приняв необходимые меры к предотвращению возможных попыток к антисоветским выступлениям или бегству со стороны заключенных; 3) Навести должный общественный порядок в городах, районах, железнодорожных узлах, станциях, обеспечить своевременную ликвидацию попыток со стороны враждебных элементов к созданию беспорядков с привлечением войск НКВД 5) Особое внимание обратить на усиление оперативно-чекистского обслуживания строительных колонн и батальонов, спецпоселенцев, административно-высланных, на выявление и изъятие антисоветского элемента»⁸⁰.

Для оказания практической помощи в улучшении оперативно-чекистской работы на Урал, в Сибирь и Казахстан были командированы оперативные группы НКВД СССР под руководством В.Н. Меркулова, С.Н. Круглова, И.А. Серова – заместителей наркома внутренних дел СССР, А.Г. Галкина – начальника Главного управления милиции. В состав опергрупп включили наиболее опытных чекистов: Л.Ф. Райхмана – заместителя начальника 2 Управления НКВД СССР, Родоса, Л.Шварцмана – заместителей начальника Следственной части НКВД СССР по особо важным делам, и др.⁸¹

В ходе выполнения директивы НКВД СССР № 515 на территории 23 областей, краев и автономных республик глубокого советского тыла с 1 ноября по 20 декабря 1942 г. было арестовано 6 126 чел., подозреваемых в организации повстанческого движения, террористических и диверсионных актов, ликвидировано более 250 контрреволюционных организаций и групп. Из режимных городов было удалено свыше 6 тыс. «социально-чуждых элементов», задержано и арестовано 9 106 уголовных преступников, дезертиров из Красной Армии, с военного производства, беспризорников и хулиганов. Для предотвращения массовых беспорядков в городах Абакане, Анжеро-Судженске, Ачинске,

⁷⁸ Центральный архив Федеральной службы безопасности (ЦА ФСБ) России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 126. Л. 8, 14, 19.
⁷⁹ См.: Архив УФСБ России по Свердловской области. Фонд приказов. Оп. 160-1941 г.; ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 157. Л. 27-32; Ф. 66. Оп. 1-Т. Д. 116-а. Л. 139-140об.; Д. 123. Л. 9, 9об.

⁸⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 592. Л. 234, 235.

⁸¹ Там же. Л. 231-233.

Барабинске, Барнауле, Иркутске, Кемерово, Красноярске, Ленинск-Кузнецком, Минусинске, Новосибирске, Омске, Павлодаре, Семипалатинске, Сталинске и Томске были сосредоточены войска НКВД. Информация об оперативной обстановке в советском тылу докладывалась И.В. Сталину и В.М. Молотову⁸².

Вслед за Б.З. Кобуловым и Л.П. Берией с призывом к чекистам включиться в активный поиск антисоветского подполья обратился в марте 1943 г. начальник Экономического управления НКВД СССР П.Я. Мешник. Оценивая результаты следственной работы экономического отдела (ЭКО) УНКВД СССР по Свердловской области за 1942 г., он заметил, что, «хотя аппарат ЭКО добился известных результатов и ликвидировал в 1942 г. ряд повстанческих группировок, однако все эти группы имеют локальный характер и организованная связь между ними следствием не выявлена. Между тем повстанческие группы насаждаются на предприятиях агентурой иноразведок и не исключена возможность наличия на Урале подпольного повстанческого центра, направляющего вражескую работу своих отдельных групп»⁸³.

В исторической литературе фактически отсутствуют научные исследования о том, насколько реальным было формирование противником «пятой колонны» в глубоком советском тылу, вероятности массовых вооруженных выступлений, в частности, на Урале и в Сибири, в годы Великой Отечественной войны. Из некоторых документов, извлеченных автором из архивных фондов ФСБ России, известен ряд достоверных фактов, свидетельствующих об открытых выступлениях населения страны против сталинского политического режима.

В декабре 1941 г. на прииске Сунча в Аллах-Юньском районе Якутской АССР возникла повстанческая группа под названием «Общество спасения России от коммунизма» под руководством старателя Орлова. В июне 1942 г. эта группа подняла восстание, захватила прииск Евканджа. В ходе столкновения были убиты работники НКВД Коробков и Быков, захвачено золото, оружие, проведены антисоветские митинги. Затем повстанцы направились на прииск «Светлый», перебили активистов. Усилиями местных рабочих восстание было подавлено, его руководители захвачены и убиты. Подоспевшая оперативная группа НКВД арестовала 30 чел., среди них 8 бывших членов ВКП(б) и ВЛКСМ, четверых кулаков и 13 осужденных за разные преступления⁸⁴.

В январе 1942 г. в Коми АССР произошло вооруженное восстание заключенных Воркутлага НКВД СССР во главе с начальником лагерного пункта Ретюниным. В восстании участвовало более 100 заключенных, выпущенных Ретюниным на волю после разоружения военизированной охраны лагеря. В ходе подавления восстания было убито 48 чел., арестовано 68 чел.⁸⁵

Зоной постоянного социального напряжения в 1930–40-е гг. являлась ямальская тундра. В ноябре–декабре 1943 г. около 350 ненцев, вооруженных винтовками и охотничьими карабинами, возмущенных «рядом искривлений в финансово-налоговой политике со стороны местных органов власти», используя экономические затруднения и нехватку хлеба, объединились вокруг «кулацко-шаманских элементов» в организацию «Мандала» и выступили против Советской власти. Повстанцами был ликвидирован Тутейский сельсовет, распущено 4 колхоза, захвачено и распределено между собой около 10 тыс. государственных и колхозных оленей, прекращены лов рыбы, добыча пушнины и перевозка грузов. Как указывалось в документе, «над захваченным местным активом чинились всевозможные издевательства».

На подавление восстания был брошен сводный оперотряд сотрудников УНКВД–УНКГБ СССР по Омской области численностью 15 чел. По прибытии к месту дислокации оперативниками были завербованы и внедрены в отряд повстанцев агенты с заданием

⁸² Там же. Л. 271–276.

⁸³ Архив УФСБ России по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 119. Л. 287, 287об.

⁸⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1268. Д. 183, 184.

⁸⁵ Там же. Л. 185.

разложить его изнутри, затем предполагалось уничтожить банду вооруженным путем. Вскоре путь движения оперативной группе был отрезан отрядом повстанцев численностью до 250 нарт. В завязавшейся перестрелке восставшие метким выстрелом расщепили у чекистов приклад ручного пулемета, те в свою очередь ранили активного участника банды Туседа Ор и убили оленя. Как указывалось в оперативном отчете, «это обстоятельство привело участников банды в замешательство, и они в панике рассеялись по тундре». На следующий день группа повстанцев численностью 30 чел. добровольно явилась к руководителю оперативной группы, сложила оружие, заявив, что не хочет вести вооруженную борьбу против Советской власти.

Подавляющее большинство участников «Мандалы» последовало их примеру, и, отказавшись от планов вооруженной борьбы, откочевало на зимние стойбища. Вооруженная и наиболее активная часть ненцев под влиянием агентуры собралась на стойбище Яптиков для обсуждения плана дальнейших действий. Под вымышленным предлогом руководящее ядро «Мандалы» в количестве 42 чел., в их числе 4 шамана и 25 кулаков, было приглашено оперативниками в отдельный чум, разоружено и арестовано. Остальные повстанцы, около 80 чел., без сопротивления сложили оружие⁸⁶.

Безуспешные попытки добиться роспуска колхозов и восстановить в тундре порядки, существовавшие до Советской власти, были предприняты в Ямало-Ненецком округе повстанческой группой ненцев, возглавляемой шаманом Лырминым Алексеем (он же – Ямкин Хок) в 1945 г. Группа была вскрыта и ликвидирована сотрудниками УНКГБ СССР по Тюменской области⁸⁷.

Кроме вышеприведенных примеров, а также событий в Калмыкии в 1942–1943 гг., факты вооруженных выступлений на территории советского тыла были зафиксированы в Дагестане, Чечне, Томмотском районе Якутской АССР. Во всех остальных случаях речь шла лишь о «высказывании повстанческих намерений», «необходимости организации повстанческих действий», «разработке тактики привлечения молодежи, враждебной Советской власти, к участию в восстании», «обсуждении на антисоветских собраниях планов вооруженных выступлений», «изыскании способов приобретения огнестрельного оружия», «установления связей с антисоветским подпольем в других городах с целью одновременного восстания против Советской власти», «установления связи с немецкой армией для проведения совместной борьбы против Советской власти», и т.д.⁸⁸ При этом невозможно четко выяснить достоверность или мнимость подобных разговоров и намерений по причине часто провокационной роли агентуры органов НКВД–НКГБ, о чем неоднократно указывалось в директивных документах⁸⁹.

В любом случае ясно, что, с одной стороны, судя по документам оперативных архивов ФСБ, существовал преувеличенный страх ожидания партноменклатурой возможных массовых выступлений населения против политического режима, особенно в начальный период войны. Отсюда ее неуверенность в морально-политическом единстве общества и как результат – превентивные меры противодействия потенциальным внутренним угрозам в форме репрессий со стороны контролируемого руководством ВКП(б) «вооруженного отряда партии».

С другой стороны, в отдельных слоях советского общества действительно шло активное брожение, проявлялось резкое недовольство тяготами войны, политикой партии и советского руководства, доходившее порой до открытых выступлений. В конце войны органы НКГБ СССР отметили всплеск антисоветских и антикоммунистических

⁸⁶ Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 87. Оп. 3. Д. 455. Л. 7, 8; ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 4. Д. 691. Л. 133, 134, 170, 171.

⁸⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1346. Л. 10.

⁸⁸ См.: Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 40. Оп. 25. Д. 201. Л. 45об.; ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 10. Д. 43. Л. 25-27; Ф. 4. Оп. 1. Д. 156. Л. 56-58; Оп. 3. Д. 1298. Л. 13-15; Д. 1301. Л. 8, 11-13; Д. 1303. Л. 3-7; Д. 1320. Л. 30-31об.; Д. 1328. Л. 39, 55, 56; Д. 1332. Л. 33-37; Д. 1333. Л. 10-12, 14, 14об., 19об., 20об.; Д. 1348. Л. 59-64, 70; Оп. 4. Д. 691. Л. 170, 171.

⁸⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 6. Оп. 1. Д. 733. Л. 207-209; Ф. 66. Оп. 1-Т. Д. 116. Л. 104-105об.; Д. 136. Л. 87, 87об.

настроений некоторых труженников тыла, связанных с предстоящим возвращением фронтовиков. «Войск у нас очень много, кончится война, с фронта придут наши бойцы, они сразу же расправятся с Советским правительством» (из беседы крестьян села Бобровка Троицкого района Челябинской области)⁹⁰. Аналогичные настроения были зафиксированы в Кемеровской области. Плотник Кузнецов среди рабочих ремонтного завода заявил: «Вот фронтовики возвратятся домой, так они обломают рога коммунистам»⁹¹.

Но чаще всего накопленный потенциал деструктивных настроений так и не перерастал в фазу активных действий, кроме отдельных фактов распространения листовок с призывами к свержению Советской власти. Листовки и воззвания такого содержания были зафиксированы органами госбезопасности в городах Абакане, Молотове, Новосибирске, Северо-Енисейском районе Красноярского края. В сентябре 1941 г. в селах Уфалейского района Челябинской области, затем в ночь на 7 ноября 1941 г. в г. Верхнем Уфалее были распространены листовки с призывом к вооруженному восстанию и террору против руководителей ВКП(б) и Советского правительства. Агентурной проверкой и почерковедческой экспертизой был установлен автор и распространитель антисоветских листовок – старший радиотехник Верхне-Уфалейского радиоузла П.А. Евсеев. На допросе он признался, что группа работников радиоузла численностью 6 чел., систематически слушая вещание фашистских радиостанций, приступила к изготовлению и распространению среди населения листовок повстанческого и террористического характера. Все участники группы были арестованы и осуждены⁹².

Логика ожидания правящим режимом опасностей, исходивших для него от бывших белогвардейцев, кулаков, эсеров, троцкистов, депортированных немцев, молодежи, родители которой были репрессированы органами Советской власти, сводилась к следующему. По мере ухудшения положения дел на фронте в 1941–1942 гг., нарастания голода, физической и психологической усталости активизируются «социально-чуждые элементы» и «политически несознательная часть служащих, рабочих и колхозников». На систематически устраиваемых «сборищах» обсуждаются вопросы свержения Советской власти. Выступления приурочиваются к моменту приближения театра военных действий к Уралу (группа Т.В.Тарасова в Кудымкарском районе Коми-Пермяцкого национального округа), Сибири (повстанческая организация Д.А. Головина в Алтайском крае, группа И.П.Коновалова в Омской области) или вступления в войну Японии (антисоветская группа рабочих стройколонны завода «Сибмаш» в Красноярске). В повстанческие организации и группы активно вербуются новые члены, ведется агитационно-пропагандистская работа, изготавливаются и распространяются листовки, воззвания, прокламации, обсуждаются способы приобретения огнестрельного оружия, планируются захват зданий НКВД, милиции, тюрем, банков, партийных и советских учреждений. Предполагается уход повстанческих групп в тайгу, формирование баз в таежных селах Кузбасса. Обсуждаются вопросы координации совместных усилий с рабочими, спецпоселенцами, дезертирами из Красной Армии, заключенными ИТЛ и колоний, установление связей с антисоветским подпольем в других городах СССР с целью одновременного восстания против Советской власти, налаживание контактов с командованием немецкой армии. За несколько дней до выступления органы госбезопасности наносят своевременный оперативный удар по повстанческим организациям, срывают их преступные замыслы⁹³.

⁹⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1348. Л. 63.

⁹¹ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1320. Л. 72об.

⁹² ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1268. Л. 187; Д. 1303. Л. 3, 4; Д. 1328. Л. 59, 60; Д. 1332. Л. 37, 55, 56; Д. 1348. Л. 69.

⁹³ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 10. Д. 254. Л. 88-95; Ф. 4. Оп. 3. Д. 1268. Л. 183-191, 237, 238; Д. 1298. Л. 13, 14; Д. 1301. Л. 6-8, 11-13; Д. 1303. Л. 2-7; Д. 1320. Л. 3, 4, 24-31об; Д. 1328. Л. 39, 55, 56; Д. 1332. Л. 22, 23, 33-37, 55, 56; Д. 1333. Л. 10-14об., 20-21; Д. 1344. Л. 6, 7; Д. 1348. Л. 48-52, 59-63; Оп. 4. Д. 691. Л. 19, 20, 155.

Подобная картина ожидавшегося развития повстанческого движения складывается из совокупного чтения многих архивных документов. Но так ли это было на самом деле? Имелись ли реальная сила и условия для вооруженных восстаний в глубоком советском тылу? Имелись, но крайне незначительные, ибо организации и группы были малочисленными, слабо вооруженными, опоры в массах не имевшими, активисты групп – безграмотными. Об этом свидетельствуют следующие факты.

Численный состав организаций, вскрытых и ликвидированных органами НКВД–НКГБ СССР по подозрению в подготовке вооруженных восстаний, составлял в среднем 6–8 чел. Так, на всей территории СССР за годы Великой Отечественной войны по обвинению в повстанческой деятельности было ликвидировано 2 344 организации и группы с числом участников 17 882 чел., в том числе в тыловых районах 515 организаций и групп численностью 3 315 чел. По отдельным областям Урала и Сибири было арестовано 1 494 чел.⁹⁴

По данным отчетов НКГБ–УНКГБ СССР, самая крупная повстанческая организация, будто бы готовившая вооруженное восстание в Нарымском округе Новосибирской области в начале войны, насчитывала 191 чел. По делу было арестовано 64 участника. Повстанческая организация «Народная трудовая демократическая российская партия», созданная в г. Орске Чкаловской области нормировщиком строителя Мочаровым, к моменту ликвидации в апреле 1944 г. насчитывала, якобы, до 140 чел., из них было арестовано 73 участника⁹⁵. Все остальные организации были крайне малочисленными и фактически безоружными. Изредка при аресте изымали листовки, воззвания, трафареты, уставы, черновики программ, писем, в Сибири – финские ножи, порох, дробь, иногда гладкоствольные охотничьи ружья, т. е., традиционные атрибуты типичного охотника-сибиряка.

Вряд ли серьезную угрозу для политического режима могли представлять группы, аналогичные группе В.Ф. Чунарева, контролера цеха, действовавшей в городе Молотове на оборонных заводах № 19 и 33 Народного комиссариата авиационной промышленности (НКАП). Участники группы А.М. Дубачев (образование низшее, слесарь завода), Е.П. Колосидын (токарь, образование низшее) и другие, всего 6 чел., высказывались за необходимость повстанческих действий, разрабатывали вопросы привлечения молодежи к вооруженной борьбе, обсуждали подготовленное ими воззвание «Ко всему населению великой страдающей России» с призывом к свержению Советской власти, пути образования буржуазно-демократического государства (?)⁹⁶.

Вполне допуская справедливость и законность арестов за преступления, предусмотренные ст. 58-2 (вооруженное восстание) и ст. 58-11 (участие в контрреволюционной организации) УК РСФСР в редакции 1926 г., мы в то же время отмечаем наличие отлаженного механизма грубых фальсификаций в оперативной и следственной работе органов НКВД–НКГБ СССР, продуцировавших необоснованные репрессии⁹⁷.

В заключении необходимо отметить, что выполнение функции политического розыска органами безопасности составляет необходимый элемент развития любого государства. Внутренние угрозы безопасности личности, общества и государства со стороны экстремистских лиц, групп и организаций, т. е. применение любых форм насильственных действий в целях общественно-политической дестабилизации и свержения существующего строя, требуют их пресечения. Поэтому вполне справедливы

⁹⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1320. Л. 79; Д. 1325. Л. 2, 3; Д. 1328. Л. 2-4; Д. 1350. Л. 62-67; Оп. 4. Д. 693. Л. 56; Архив УФСБ России по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 223. Л. 57, 57-а, 57-б.

⁹⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1268. Л. 187, 216; Д. 1344. Л. 6; Д. 1350. Л. 19-22; Оп. 4. Д. 691. Л. 115, 155; Д. 693. Л. 56; Ф. 66. Оп. 1-Т. Д. 116. Л. 104, 104об.

⁹⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1328. Л. 59, 60.

⁹⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 219. Л. 99; Ф. 4. Оп. 1. Д. 157. Л. 110, 110об.; Оп. 2. Д. 1815. Л. 909-918; Ф. 66. Оп. 1-Т. Д. 116. Л. 59, 88, 88об., 105; Д. 136. Л. 87-88; Архив УФСБ России по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 165. Л. 3.

мероприятия территориальных органов НКВД – НКГБ СССР по розыску и уголовному наказанию авторов антисоветских листовок, призывавших население к свержению советской власти, расправам над коммунистами.

Что касается повстанческих групп и организаций, то за все годы Великой Отечественной войны территориальными органами госбезопасности Урало-Сибирского региона не было обнаружено ни одного регионального антисоветского повстанческого центра, не зафиксировано ни одного случая связей подозреваемых в повстанчестве со спецслужбами иностранных государств. Единичные вооруженные выступления носили локальный характер, были слабо организованы, малочисленны, не получили поддержки у населения. Объективно восставшие сыграли роль «пятой колонны», подрывая военно-экономическую и социально-политическую стабильность советского тыла, но негативное воздействие их на состояние оперативной обстановки было крайне незначительным, поэтому нет необходимости преувеличивать потенциал организованного повстанчества. Тем более, любые ростки недовольства подавлялись в зародыше, причем, порою акции органов госбезопасности приобретали провокационный характер.

С другой стороны, эти выступления явились неким индикатором общественных настроений, реакцией части населения на неэффективность ряда мероприятий, управленческих решений органов государственной власти, в известной степени – ответной реакцией на репрессивную политику государства в отношении «социально-чуждых элементов» в 1930-е гг., в период Отечественной войны, то есть фактически были спровоцированы не немецкой разведкой, а политикой сталинского режима.

**С.В. Воробьев
Екатеринбург**

ФИНАНСОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПАРТИЙНОЙ ПЕРЕПИСИ 1922 Г. В УСЛОВИЯХ ГОЛОДА НА УРАЛЕ

Всероссийская партийная перепись 1922 г. явилась первым крупномасштабным статистическим мероприятием советской власти.

Проведение партийной переписи являлось объективной необходимостью. Характерная черта начала 1920-х гг. – почти полное отсутствие полноценных сведений о составе РКП(б). Не было достоверных данных не только о социальном составе членов партии, но даже о её численности, что подтвердили и результаты переписи. Она выявила преувеличение численности коммунистов текущей статистикой более чем на четверть (148 тыс. человек)⁹⁸. Плохая информированность высшего партийно-государственного руководства о состоянии правящей партии, о характере и тенденциях развития партийного организма в послереволюционный период не позволяла ему контролировать процессы, происходящие в партии, эффективно их регулировать, а также формулировать и осуществлять полноценную стратегическую политику в стране. На основании отрывочных и неполных статистических сведений о кадровом потенциале партии решить эти задачи было крайне затруднительно.

Отсутствие достоверной информации было обусловлено слабой системой учета в партии, так как большинство партийных организаций всё еще находились в состоянии организационного строительства. Осенью 1921 г. Орготдел ЦК следующим образом оценивал уровень партийного строительства: "Мы все ещё на 4-й год своего открытого существования в качестве правящей партии, организуемся"⁹⁹. Решение о создании учетно-распределительных отделов губкомов, ответственных за ведение партийного учета и предоставление текущей статистической информации в ЦК партия было принято только в

⁹⁸ Литвак К.Б. К вопросу о партийных переписях и культурном уровне коммунистов 20-х годов // Вопросы истории КПСС. 1991. №2. С.80.

⁹⁹ Известия ЦК РКП (б). 1922. №1. С.51.